

Он начинает статью с вопроса о строе предложения в русском языке (при этом отмечается преобладание двучленного типа, определяющего «грамматическую полярность» предложения с «относительной устойчивостью имени и относительно большей подвижностью глагола»; стр. 20). Освещение частей речи ведется с точки зрения единства в грамматике понятий функции и формы, определяющих с разных сторон одну и ту же «лексему» (стр. 25). Признание организующей роли имени и глагола позволяет, по мнению Метьюса, уловить закономерности грамматического строя русского языка.

Автор солидаризируется с В. В. Виноградовым в том, что в русском языке нет грамматически бесформенных слов. Понимание частей речи и их общая характеристика мало чем отличается от традиционной. Метьюс касается и вопроса о «категории состояния», выражая сомнение в целесообразности выделения данного разряда слов из сферы наречия. Статья носит в общем характер сжатого очерка, не ставящего целью рассмотрение сложных и спорных вопросов русской грамматики. Поэтому основные положения этой небольшой статьи не могут вызвать существенных возражений, — следует, может быть, кратко остановиться только на отдельных ее неточностях. На стр. 27 говорится об «угасании среднего рода»; в этот вывод, в основном правильно отражающий тенденцию общего языка, необходимо внести существенные ограничения по отношению к стилям книжного языка, в котором наблюдается значительный рост отвлеченных существительных на *-ние*, *-ство* и с некоторыми другими суффиксами среднего рода¹.

В. К. Метьюс говорит о том, что противопоставление *casus rectus* и *casus obliquus* находит «идеальное выражение» в «двухформных» (*two-form*) числительных *сто/ста*, *сорок/сорока*» (стр. 28). Непонятно, в каком смысле говорится об «идеальном» выражении и имеется ли здесь в виду тенденция развития падежных форм имен? Вряд ли правомерно в общем плане говорить о роде числительных *десять*, *сорок*, *сто* (стр. 29). Непонятно, почему в примерах на «независимое» употребление наречий после *холодно!*, *дорогоавто!* следует *пожар!* (стр. 33). Нужно отметить также, что «реликтom аориста» В. В. Виноградов считает не такие формы, как «хоть три года скачи» (Гоголь).

В заключение отметим, что в некоторых (хотя и редких) случаях вызывает сомнение перевод русских примеров на английский язык, например, «еще не отошедши служба, а уже чай пьете»².

Статьи В. К. Метьюса в основном имеют обзорный характер. Они свидетельствуют об интересе автора к достижениям науки о русском языке и о его хорошем знании советской лингвистической литературы³.

Т. В. Булыгина и Д. Н. Шмелев

Словарь иностранных слов. Под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. Н. Петрова. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 5-е стереотипное изд. 1955. 856 стр.

Словарь иностранных слов — трудная книга, потому что по существу своему он не ограничен. Он служит для непосредственного объяснения слов и оказывается неполной и краткой энциклопедией; вместе с тем он по традиции остается словарем иностранных языков, но только еще более частичным и неполным. От составителя словаря объяснение т е р м и н о в требует энциклопедических знаний, а объяснение с л о в — филологического и исторического понимания, а это вряд ли совместимо. Поэтому составитель обычно вынужден слепо довериться специалистам по различным областям знаний. Если он к тому же и не лингвист, то что же остается на его долю, кроме формаль-

¹ См. соответствующую поправку В. В. Виноградова к заключению С. П. Обнорского (на которого и ссылается В. К. Метьюс) о нежизнеспособности категории среднего рода в русском языке («Русский язык», М. — Л., 1947, стр. 85).

² См. W. K. Matthews, *Modern Russian Dialects*, стр. 130—131.

³ Специальному обзору развития советской лингвистики за последние 5 лет посвящена статья Метьюса «Developments in Soviet Linguistics since the Crisis of 1950» («The Slavonic and East European Review», vol. XXXIV, № 82, London, 1955. См. также рецензии Метьюса: на академическую «Грамматику русского языка», т. I (там же, vol. XXXII, № 78, 1953) и т. II (там же, vol. XXXIV, № 82, 1955); на отдельные работы советских лингвистов: Л. Якубинского «История древнерусского языка» (там же, vol. XXXIII, № 81, 1955), А. Б. Шапиро «Очерки по истории русских народных говоров» (там же), Р. И. Аванесова «Русское литературное произношение» (там же, vol. XXXIV, № 82) и др.

ной организации словаря, т. е. подачи энциклопедического материала в строгих словарных формах?

Новый «Словарь иностранных слов» выходит уже пятым изданием, а до этого выходил несколькими изданиями под редакцией одного проф. Ф. Н. Петрова, так что имеет за собой уже 15-летнюю длительность работы. За это время он только пополнился новыми техническими и научными терминами, которые, естественно, умножаются с каждым годом, но по существу его не улучшают.

В отношении состава терминов упушений немного. Отметим отсутствующие слова: по лингвистике — акцентология, аттракция, графема, аугмент, американистика, англистика (германистика и славистика есть), арабистика, иранистика, китаистика, японистика; индоевропейские, хамитские языки; грамматикализация, этимологизация; по литературе — александрийский стих, поэзия; апарт, байронизм, гиперболизм, гипостаза детектив; по истории религий — антихрист, апостол, евангелие (августа, библия, веды, коран, талмуд, тора имеются), евангелист, Пегова (все другие национальные божества древнего и нового времени представлены), иудаизм, кагал; из церковного обихода — акафист, амеон, аналой, елей, епархия, иерей, иконостас, лаера, панихида, серафим, херувим, архангел.

Отсутствуют такие слова, как история, историзм; король; журнал, журналистика; декуршон, вассалитет, европеизация, каталогизация, актуализация, документация, абзузаций, вакхический, вотивный, папирология, арестин, архивист, бухгалтерия, каган (титул хазарских, а затем киевских князей), кабинет, кавалер (шевелие есть), ольдермен; дрейфусары, караимы, ефрейтор, генерал-адъютант, генерал-аншеф, германофил, германофоб, англоман (галломания есть), рептильный (о прессе), арабские цифры, римские цифры, малярия и др.

Из других областей укажем, например, на отсутствие слов вазелин, вариабельный, суалировать, граммофон, гидростанция, гильза, диалюей, интнери, персифляж и т. п.

Относительно больше упушений в кругу слов обыденных, например нет слов астра, акация, георгина, малява, тюльпан; берет, визитка, гамачи, галоши, галуны, гипюр, жакет, жилет, каракуль, цыгейка; балык, бёф, бифитеке (антрекот и ростбиф есть), бриошь, брында, карбонат, кефир, лярд, омлет, плов (пилав), рокфор, соус, тэфтели, шарлотка, шашлык; эскалон; ви, бренди (виски есть), сермт (абсент имеется), кагор, коньяк, мадера, малага, портувейн, херес; бебе, бильяр, блондин, брютет, викторина, галматия, гамак, гардбер, гримаса, диктант, дог, дуст, дюйм (взамен есть инч!), жестикуляция, зигзаг, идиотизм, шпак, картонаж, калота, кепи, киоск и т. п.; апорт, кальиль (есть розмарин, дюшес и бергамот), виктория («садовая земляника»), изабелла и т. д.

Такая же небрежность наблюдается и в отношении слов, которые встречаются в русской классической и переводной литературе, например: абрек, абцус, абшид, альмавива, балзамический, баталия, башу-бузук, башлык, бекеша, берданка, бонмо, бонтон, бонжур, виктория, гаванна, ганнибалова клятва, гитана, камзол, картечь, жарцер, киноварь, киот, муштра, парик, шарлатан и т. д.

Думается, что иностранные слова, встречающиеся у Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого, Островского, Чехова, Горького, Маяковского и др., должны обязательно быть включены в словарь, вплоть до картежных терминов «Пиковой дамы» и «Войны и мира». А в нем нет ни фараона, так поэтически использованного Пушкиным в «Евгении Онегине», ни шотоса, служащего заглавием повести Лермонтова. Нет знаменитого гоголевского моветона и ряда других подобных старых слов. Это непростительно. Где же читателю искать их значение, как не в «Словаре иностранных слов»?

С другой стороны, наличие слов адаптация, администрация, акварель и т. п. не оправдывает отсутствия глагола адаптировать, прилагательного административный, существительных администратор и акварелист и т. п. Напротив, всегда можно, как правило, избежать помещения в словарь производных русских форм, таких, как аккумулярование (при аккумуляровать), банальность (при банальный), банкротство (при банкрот), фатосство (при fat) и т. д. (их очень много в рассматриваемом словаре). Этого требует и логика и своего рода словарная эстетика. При наличии, например, авторизировать, излишне приводить и объяснять авторизованный перевод.

Естественно ввести в словарь собственные имена, ставшие нарицательными или вошедшие в ходячие словосочетания, такие, как донжуан, логелас и т. д., или геркулесовы столбы, прокрустово ложе. То же следует сказать о поэтических именах: Вахк (Бахус), Киприда, Пипокрена, Клио, Парнас и т. д.; но нет оснований включать в словарь все имена греческой, римской и даже египетской и индийской мифологии. Тем более нет надобности помещать названия планет и созвездий. Почему бы не включить еще и названия материков и островов, гор и рек, и племен и народностей всех эпох? Впрочем, данный Словарь включает имена галлов и антов и даже имя династии Каролингов, а также заглавие двух древнегреческих сочинений — «Анабазисов» (а «Илиады» нет).

Что касается объяснений, то они нередко страдают многословностью, и иногда маловразумительны. Очевидно, составители не стремились к раскрытию понятий по существу и не заботились о точности и правильности выражений. Например: «**Бустрофедби**... древнегреческое письмо с переменным направлением строки (?): первая и все последующие нечетные строки пишутся и читаются справа налево, а вторая и все последующие четные — слева направо; при этом форма букв приспосаблиется к направлению письма».

«**Бутафория**...— 1) предметы сценической обстановки, специально (?) подделанные под настоящие; имеют декоративное (?) назначение; 2) ненастоящие (?) предметы, служащие только для показа или рекламы...».

«**Арбалет**...— метательное (?) ручное оружие — самострел, усовершенствованный лук; арбалет являлся индивидуальным (?) оружием бойца в древности (?); с изобретением огнестрельного оружия вышел из употребления».

«**Гетры**...— теплая одежда (?) надеваемая на ноги поверх обуви и покрывающая их от ступени до колен или до щиколоток».

«**Абсцисса**...— геом. название (?) числа (?), определяющего положение точки на прямой относительно какой-либо другой определенной точки или одного из двух (трех) чисел, определяющих положение точки на плоскости (в пространстве) относительно прямоугольной системы координат».

«**Ордината**...— геом. название одного из двух (трех) чисел, определяющих положение точки на плоскости (в пространстве)...» и т. д.

Понятнее было бы сказать, что *абсцисса* и *ордината* — линейные координаты, определяющие положение точки на плоскости или в пространстве.

«**Акрофалия**...— форма черепа в виде башни» (?).

«**Вавилонское столпотворение** — 1) библейское сказание о попытке построить в Вавилоне башню до небес; разгневанный бог якобы смешал (?) язык строителей, которые перестали понимать друг друга и строить».

Как неверные определения, укажем:

«**Вакханка**...— жрица *Вакха*; участница *вакханалии*» (на самом деле участница вакхических обрядов и плясок).

«**Вальпургиева ночь**...— 1) ночь под праздник «св. Вальпургии» (надо: др.-герм. богини весны Вальпургии, под 1 мая).

«**Грация**...— 1) *миф.* у древних римлян — каждая (?) из трех богинь красоты» (и далее приводятся имена греческих Харит!).

Отметим также, что в определении *газа* упущены значения светильного и горячего газа, самые употребительные; *газон* определяется как «площадка, засеянная травой», а не самая трава; *аббат* — как название католического священника во Франции (на самом деле это духовное звание, чаще всего не связанное с отправлением культа).

Филологическая и лингвистическая сторона «Словаря иностранных слов», естественно, наименее удовлетворительна. В ряде слов ударение указано неверно, например, в словах *артикул*, *бекон*, *деспотия*, *ликвидус*, *сатюра*, *сүффикс*. Плохо обстоит дело с объяснениями происхождения слов. Приведем для примера: *аэра* производится от английского выражения (вместо голландского); *автоклав* — от лат. *clavis* «ключ» (вместо греч. *clao* «руну»; *адмирал* — от араб. *amir al-bahr* «властитель на море» [вместо голл. (под влиянием лат. *admirabilis*) < араб. *amir a ali* «высший командир»]; *азот* — от греч. *a + zōos* «живой» (вместо франц. < греч. отрицат. *a + zōtos* «нежизненный»); *александрит* — от соб. греч. (вместо: в честь Александра I); *банкром* — от итал. *bancorotto* (вместо нем. от итал. *bancarotta*); *батарея* — от франц. *batterie* (вместо итал. *battarea*); *бойкот* — от англ. *boycott* (вместо по имени капитана Бойкота, навлекшего на себя ненависть ирландских крестьян в 1880-х годах); *гортензия* — лат. *Hortensia* (вместо: англ. собственное имя); *Уннокрена* — лат. *Hippocrene* — греч. *hippi krēnē* (вместо греч. *Pippokrēnē* < *hippos* «конь», *krēnē* «источник»); *кают-кампания* — от швед. *kajuta* «каюта» + франц. *compagnie* «общество» (вместо голл. *kajut-kompanje*); *лафет* — от франц. *lafette* (такого слова нет и не было; надо: нем. < франц. *L'affut* «стойка, опора») и др.

Но указания на происхождение слов даются очень редко. Гораздо чаще «Словарь иностранных слов» ограничивается приведением непосредственного оригинала, без всякого объяснения, как, например, слова *перл*, *перламутр*, *перлавейс*, *перлинь*, *перлит*, *пермаллой*, *перманентный* и т. п. Иностранная транскрипция мало нужна читателю сама по себе. Собственное, основное или буквальное значение слова несравненно было бы ценнее. Например: *апельсин* — из нем. < голл. «китайское яблоко»; *амети́ст* — из греч. «не пьянящий» (так как, будто бы, предохранял от опьянения); *апломб* — из франц. «по свищу» (т. е. по отвесу), «ровно, хладнокровно»; *галантерея* — из франц. «(предметы, которых требует) любезность, ухаживанье», ср. *галантный*; *манекен* — из франц. < голл. «челoveчек»; *мигрень* — из франц. < греч. «полголовы» (в которой сосредоточена боль); *перл* — из франц. < лат., «грушечка» (по форме); *перламутр* — из нем. «матка жемчуга»; *перлавейс* — из нем. «жемчужно-бе-

лей»; *трюм* — из голл. «(свободное) пространство (между днищем и жилыми помещениями корабля)»; *трюмо* — из франц. < голл. «пространство (между окнами)»; *шедевр* — из франц. «главное (заключительное) изделие (за которое подмастерье получал звание мастера в средневек. цеховой организации)»; *фокус* — из нем., выкрики фокусника, пародировавшего возглас католического священника при совершении мессы: «сие есть тело (мое)».

Досадное впечатление вызывает отсылка в словаре к другому термину без всякого объяснения, например: *арго* — то же, что *жаргон* (кстати, это вовсе не одно и то же); *ажитация* — ...2) то же, что *ажитация* (надо бы сказать, что неправильно употребляется вместо *ажитация*); *алмакс* — см. *силумин*; *антимоний* — то же, что *сурьма* и т. д. Излишни также в определениях слова «название» и «обозначение» и т. д.; например: *англюсс* — общепринятое название...; *абсцисса* — геом. название...; *авиатика* — устаревшее название...; *адажио* — муз.: 1) обозначение...; 2) название...; *волеж* — 1) старинное название... и т. п. Но ведь в словаре и представлены главным образом термины, названия, зачем же эти вводные формулы?

Составители предпосылают тексту четыре столбца сокращений, в том числе характеристик употребления слова: «вульгарное», «ироническое», «разговорное», «устаревшее». Но они чрезвычайно редко этими пометами пользуются. В результате утрачивается оттенок значения или применения слова. Например: *реприманд* — «выговор»; *респект* — «почтение, уважение»; *ирритация* — «раздражение»; *авантаж* — «выгода, польза»...; *жалентация* — «жалоба, сетование»; *сугестия* — «внушение». Это чересчур лаконично, отсутствие стилистических помет обедняет слова и приводит к неверному их употреблению. Редко указывается и специальный характер слова. Так, с характеристикой «историческое» дано чуть ли не единственное слово *кордегардия* (а, например, при *жакерия* ее нет).

Несмотря на все эти обычные и типичные недочеты, «Словарь иностранных слов» остается солидным, хотя и трафаретным изданием, полезным справочником. Но не пора ли нам иметь подобный словарь другого типа? По самому существу своего материала он должен быть не просто справочником, но цельной, интересной, познавательной книгой. Слова имеют свою историю. Всякое заимствованное слово отражает определенный момент в истории общественного и культурного развития, является своего рода историческим свидетельством. В большинстве оно имеет интернациональное хождение, так что словарь иностранных слов является практически интернациональным, универсальным словарем науки и техники, идеологии всего мира, инвентарем идей, открытий и изобретений всех времен и народов. Естественно подавать этот материал в таком историко-культурном плане. Словарь иностранных слов не может быть только сухим и механическим каталогом терминов, он должен быть идейно направленной, живой исторической книгой о культурном прогрессе и культурном обмене.

Мы можем теперь установить для большинства терминов и время, и обстановку их появления, и ход их распространения, и даже авторов наименований. Мы можем объяснить, почему то или иное понятие и изобретение получило то или другое название. Внеся эти моменты в словарь, мы вольем в формальные определения живую действительность и творческую мысль, создавшую вещь и давшую ей имя. Без этого словарь останется бездушным, как перечень телефонных абонентов.

Уже филологическая история слова дала бы не только объяснение, как оно пришло к нынешнему значению, но указывала бы и идейно-историческую обстановку этого процесса. Например, *алкоголь*, средневек. лат. *alcohol*, VIII в., «вишней спирт», в представлении алхимиков тончайшая суть вина (ср. *снупм* < лат. *spiritus vini* «дух вина») < араб. *al kol* «тончайшая сущность вещества, собственно тонкий порошок (сурьмы) для окраски бровей и ресниц»; *аликсир*, средневек. лат. *elixir*, XIII в. — «чудодейственное питье, сохраняющее молодость», первоначально «философский камень», будто бы способный превращать свинец в золото < араб. *el iksir* «тончайшее вещество» < греч. *xiros* — «сухой (порошок)»; *эссенция*, средневек. лат. *essentia*, XV в. «сущность (вещества)», большая или меньшая степень очищения и концентрации вещества перегонкой и т. п. В частности, *кеинт-эссенция*, собственно «пятая эссенция», — высшая, чистейшая суть вещества; *констелляция* (лат. *constellatio* < *con* — *co*, *stella* «звезда, светил») означало в поздней античности и в средние века положение планет (в момент рождения, принятия важного решения и т. п.), служившее основанием для предсказаний астрологов, воображавших, что оно предопределяет ход событий и судьбу человека; *электричество* из новолата, первоначально способность некоторых тел при трении притягивать легкие предметы (в XVII в. употреблялся и термин «электромагнетизм») < греч. *elektron*, янтарь (обладающий этим свойством). К новому значению термин пришел после открытия гальванизма (1790 г.), химического возбуждения тока в вольтовом столбе.

Традиционные словари иностранных слов загромождены механическим конгломератом специальных терминов, из которых добрая треть представляется сомнительной. Зачем даже очень культурному читателю знать сотни названий всевозможных минералов, сплавов и смазочных масел; сотни названий химических соединений,

сотни названий всяческих организмов вплоть до виш, паразитирующей на китах, — десятки терминов торгового права капиталистических стран, буквально все типографские технические термины? Даже читатель очень широкого кругозора не встретит и сотой доли их за всю свою жизнь. А специалисту той или иной области они известны и без того, а если неизвестны, то он, наверное, не будет их искать в таком словаре.

Словарь массовых тиражей (в общем, наверное, более чем миллионного) не должен быть словарем научных и технических терминов. И вообще вряд ли целесообразен словарь, который охватывал бы все области знания на уровне специалистов. Для этого нужны особые словари по главнейшим отраслям знания. И, конечно, они тоже должны быть построены под историческим углом зрения, как вехи развития науки. Массовый же словарь должен сосредоточиться на терминах, которые нужно усвоить каждому образованному человеку, на понятиях идейного и принципиального значения, на словах, которые каждый встретит в отечественной и переводной литературе и прессе, на терминах, которые вошли в основной фонд нашего образования. Вместе с тем в этот словарь нового типа нужно было бы ввести все иностранные слова, встречающиеся в русской литературе с конца XVIII в., включая даже такие редкие словечки, как пушкинское *аминде*, тургеневское *авантюрька* или лесковское *антукá*. Такой словарь служил бы полезным пособием при чтении наших писателей. Вместе с тем он давал бы наглядную картину отражения в русском языке возникновения, смены и развития новых интересов и вкусов в общественной жизни. Пусть это будет не 20 тысяч терминов, а только 8 тысяч, но это будут настоящие слоганы, а не просто памятные знаки; это будет 8 тысяч творческих идей, 8 тысяч страниц истории культуры.

Б. Казанский

ЯПОНСКИЙ «СЛОВАРЬ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ»¹

В марте 1944 г. в Токио было образовано Общество отечественного языкознания (Кокугогаккай), объединившее ученых языковедов и педагогических работников всей Японии. Численность этого общества нам неизвестна, но судя по тому, что вошедшее в него Японское диалектологическое общество (Нихон хогэнкай), существовавшее с 1928 г., объединяло около 500 человек, масштабы его должны быть значительными. С 1948 г. общество издает поквартально лингвистический журнал «Кокугогакү» («Отечественное языкознание»), а в 1955 г., в ознаменование 10-летия своей деятельности, оно издало лингвистический словарь, или скорее лингвистическую энциклопедию, «Кокугогакү-дзйтэн», который и является предметом настоящей рецензии.

Редакционную коллегию словаря возглавил представитель правления общества Токитэда Мотоки — один из ведущих современных японских грамматистов. В составлении словаря приняло участие 188 авторов (7 из них занимались только приложениями, о которых речь будет особо); в числе их находим таких крупных специалистов по японскому языку, как Кобаяси Хидэо, Сакума Канэо, Хаттори Сирё, Ямада Ёсио, Ёсидзэва Ёсиори.

С первого взгляда обращает на себя внимание объем словаря: в нем 1250 страниц убористого японского текста, что в переводе на наш шрифт составляет более двухсот печатных листов. Ознакомление со словарем приводит к заключению, что богатство его содержания даже превышает то, на что позволяет надеяться объем. Это достигнуто благодаря превосходно составленному словнику и содержательности статей при их лаконичности; статьи написаны с большим знанием предмета, изложение носит чисто информационный характер без субъективных оценочных моментов (как указано в предисловии, такой характер статей составлял одну из задач редакции). Все статьи даны с подписью авторов.

Содержание словаря легко поддается обзору благодаря помещенному в начале списку основных статей, составленному по тематическим разделам. Эти разделы следующие: I. 1) «Японский язык в целом, изучение японского языка в целом, смежные науки»; 2) «Языкознание»; 3) «Фонетика»; 4) «Письменность»; 5) «Грамматика и стилистика»; 6) «Лексика и семантика»; 7) «Диалекты и лингвистическая география»; 8) «История японского языка»; 9) «Речевая практика»; 10) «Отдельные вопросы, касающиеся японского языка»; 11) «Преподавание японского языка»; 12) «Художественная литература». II. «Языковедческая литература». III. «Personalia». В каждой статье под заглавным словом имеется указание, к какому из этих разделов она относится.

¹ «Кокугогакү-дзйтэн», Кокугогаккай-хэн, Токёдо, Токио, 1955. Термин «кокугогакү» означает не вообще языкознание в Японии, а науку о японском языке (*кокугогакү* дословно: «наука о родном языке»).